

О ЗАВИСТЛИВОМ МЕЩАНСТВЕ

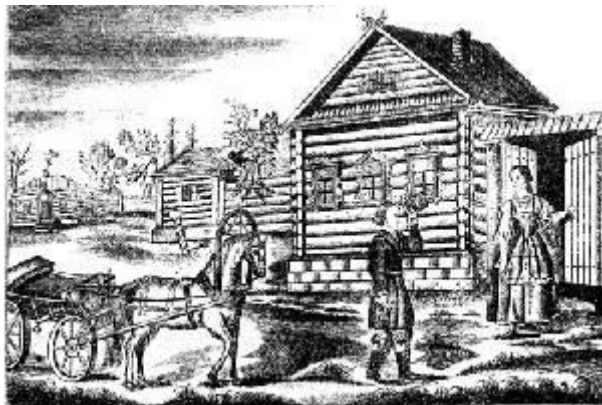
Николай Вольский

Реабилитировав, как я надеюсь, в глазах просвещённой публики русского мужика и сняв с него беспочвенные подозрения в патологической завистливости, было бы несправедливо оставить под таким же подозрением потомков этого мужика - тот не очень точно определённый социальный слой, который в русской литературной традиции обычно выступает под именем “мещанства”.

В зависимости от контекста те же самые люди могут описываться как “обыватели”, “средний (или нижний средний) класс”, “мелкие служащие”, “чиновничество”, “филистеры” или “читатели газет”. И несмотря на всю расплывчатость этих понятий всем как будто бы ясно, о ком идёт речь. Не вдаваясь в социологические и методические тонкости, будем называть “мещанами” в этом смысле всех тех, кто одновременно обладает следующими признаками: живёт в городе или пригороде и в достаточной степени “цивилизован”, т.е. не считает себя принадлежащим к традиционному сообществу; занимает в обществе некое среднее положение; имеет средний в данном обществе уровень образования, не претендуя на рафинированность и “высоколобость”; внутренне достаточно конформен и склонен воспринимать существующее окружение как разумное мироустройство.

Как видно из описания, в массе своей, это вполне приличные, благовоспитанные люди, усердные труженики и ревностные служащие, богобоязненные, морально устойчивые, лояльные граждане, любящие свой дом, семью и отечество. Возможно, среди них не так много ярких, оригинальных личностей, они склонны мыслить и действовать по опробованным шаблонам, и не из них состоит творческая часть населения, но сегодня именно они создают физическую основу существования всех остальных социальных слоёв. В нашем лишённом чётких сословных границ обществе понимаемое таким образом “мещанство” составляет подавляющее большинство населения и в промышленно развитых странах фактически является тем “народом (в узком смысле слова), роль которого в прошлом играло крестьянство. Именно современные мещане (“простые люди”; “средний класс”, в терминах американской социологии) образуют то “молчаливое большинство”, которое своим трудом, законопослушностью и выражаемой не в словах, а в повседневном поведении моральной поддержкой существующего порядка служит фундаментом стабильности и устойчивости современного гражданского общества.

Несмотря на все эти достоинства мещанству трудно опровергать сложившееся мнение о присущей ему завистливости. На сторонний взгляд людей, не причисляющих себя к мещанам, выраженная завистливость настолько типична для этого слоя, что её отсутствие делает сомнительным отнесение человека к разряду мещан: возможно, по каким-то социальным параметрам он сходен с ними, но по своему

психологическому типу он не мещанин. Слово “завистливый” в выражении “завистливые мещане” играет в литературе роль постоянного эпитета, по образцу словосочетаний “добрый молодец” или “сине море”. В общем представлении, мещанин - это человек, который постоянно озабочен

сравнением своего материального положения с положением своих соседей, знакомых, тех, кто входит в “его круг”. Цель его жизни в том, чтобы всё, что он имеет, было “не хуже, чем у других (понимая под “другими” некую значимую для него референтную группу). В литературе последнего столетия существует множество классических описаний мещанства (например, “Бэббит” Синклера Льюиса - яркое и остроумное описание мещанского быта и психологии в Америке 20-х годов), и в созданном многими авторами коллективном портрете мещанина характерными чертами являются психологическая сосредоточенность на материально-вещной стороне жизни, товарный фетишизм, мелкое тщеславие и завистливость.

Не споря с такой характеристикой мещанства, по-видимому, она в общих чертах верна, в ней можно усмотреть внутреннюю противоречивость. Как и в случае с русским мужиком, существующее мнение приписывает порок завистливости всем мещанам, независимо от среды и страны их обитания. Но такая массовая, можно сказать, поголовная порочность не согласуется с общепринятым пониманием “порока”, как индивидуальной отрицательной характеристики, выделяющей порочного человека из массы людей, не обладающих этим пороком. Если всем представителям многочисленного социального слоя присущ некий признак, расцениваемый нами как порок, то, вероятно, будучи “пороком” для нас, этот признак не только не мешает жизни этого слоя людей, но и зачем-то необходим им, несёт какую-то функциональную нагрузку.

Поясню это рассуждение примером. При “социалистическом способе хозяйствования” неотъемлемым элементом производства были мелкие “хищения социалистической собственности”. Почти всякий “советский труженик” считал рабочий день прошедшим впустую, если ему не удалось прихватить с работы килограмма гвоздей, полсумки муки или ещё чего-нибудь; те виды деятельности, где утащить было нечего, считались непрестижными. Судя с формальной точки зрения, все эти люди - воры, по крайней мере, мелкие воришки, и большинство “несунов”, как их деликатно определяла советская пропагандистская машина, сами считали своё поведение предосудительным. Не отрицая самого факта хищений и не пытаясь обелить его индивидуальные проявления с моральной точки зрения, надо признать, что “воровством”, в обычном понимании слова, этот новый российско-советский обычай не был. Он был необходимой частью существующей системы, функционально значимой деталью самого общественного механизма и выполнял, по меньшей мере, две функции: С одной стороны, он обеспечивал перераспределение части производимого продукта, без чего население просто не

смогло бы выжить в условиях существующего жёсткого рacionamento (так что, если бы люди не воровали, им всё равно пришлось бы это выдать для поддержания их жизни). А с другой - его распространённость приводила к тому, что подавляющая часть населения чувствовала себя замаранной, виновной, почти никто не мог считать себя “чистеньким”. Хотя это, по понятным причинам, не декларировалось, такой механизм служил способом управления и укрепления власти: любого человека в любой момент можно было выхватить из толпы “несунов” и наказать на законных основаниях с соблюдением всех юридических формальностей. Каждый это знал и вёл себя соответствующим образом, что дополнительно цементировало “морально-политическое единство партии и народа”. Советская государственная машина лишь для виду боролась с этим “негативным явлением” и старалась удержать его в оптимальных рамках, но руководство прекрасно понимало, что если бы такое воровство удалось победить, то для работы механизма без сбоев ему пришлось бы искать функциональную замену. Следовательно, распространённое советское “воровство” на производстве, несмотря на его полное формальное сходство с обычным воровством, воровством всё же не являлось и его нельзя рассматривать как порок, присущий советскому человеку.

Я предполагаю, что аналогичная ситуация возникает и с оценкой мещанства, и тогда та черта характера, которая воспринимается наблюдателями как завистливость, должна играть в жизни мещан какую-то существенную роль. Чтобы понять это, надо прежде всего понять, к какому типу людей следует отнести мещан, каким способом они строят свою жизнь.

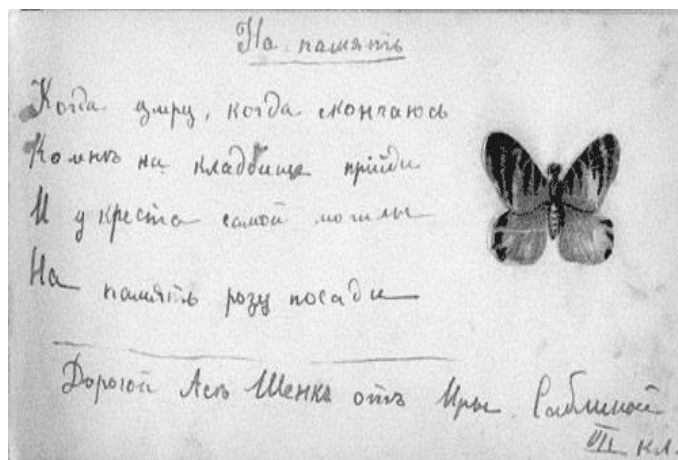
Решая этот вопрос, можно сразу же отбросить предположение о том, что современные представители мещанства принадлежат к традиционному, циклическому типу. Это невозможно уже потому, что они живут в стремительно развивающемся обществе и не только не отгораживаются от него, застыв в неподвижности где-то на обочине прогресса, но напротив, именно мещанство образует тот слой, в который втягиваются массы людей при распаде их традиционных укладов жизни и вовлечении их в процессы развития. Несомненно, мещанство - не реликт ушедшей эпохи, а продукт современного индустриального общества.

С другой стороны, какие-то трудноопределимые и неотчётливые, но интуитивно убедительные чувства мешают приписать идеальному представителю мещанства структуру личности линейного типа. Весь общий рисунок жизни мещан: какая-то общая сглаженность, стёртость индивидуальных черт, склонность к стандартным реакциям и действию по шаблонам, массовая восприимчивость к воздействию внедряемой извне идеологии, политической и товарной рекламы, чрезмерная зависимость взглядов и оценок от окружения, от принятой референтной группы, постоянное стремление примкнуть к массе, не выделяться, быть “как все”, то общее впечатление от мещанства как от “человеческой икры”, которое свойственно большинству сторонних наблюдателей, - плохо вяжется с нашим представлением о людях линейного типа. Но если они не принадлежат ни к циклическому, ни к линейному типу, то им нет места в используемой нами классификации; структура их личности остаётся неопределённой.

Моя гипотеза заключается в том, что те, кого мы предварительно определили как мещан, образуют особый тип личности, принадлежность к которому и является общим для всех “мещан” признаком. Структура личности этого типа - обозначим его как “квази-линейный” - определяется его генезисом и условиями его формирования. Он представляет собой продукт трансформации классического циклического типа и приспособления его к условиям жизни в развивающемся обществе.

Циклический тип человека не пригоден для жизни в достаточно быстро развивающемся обществе по двум (по меньшей мере) причинам:

Во-первых, он не приспособлен к изменениям программы действий. По мере развития общества постоянно возникают новые отрасли хозяйства, происходят изменения количественных соотношений между существующими отраслями, появляются новые технологии и соответствующие им профессии, новые общественные отношения, культурные и поведенческие образцы. Для обеспечения всех этих изменений общество нуждается в постоянной “перенастройке” своих человеческих ресурсов. Но человек циклического типа, по определению, способен к изменениям лишь в очень узких пределах, не входящих в противоречие с “защитой” в его психике программой; попадание его в новую социальную нишу приводит либо к тому, что он упрямо следует ранее усвоенным стереотипам поведения, не обращая внимания на их неадекватность окружению, либо возникающая “сшибка” ценностей ведёт к распаду его личности и утрате им человеческой идентичности.

Во-вторых, он не способен к повышению производительности труда. Любое значительное усовершенствование, делающее труд более эффективным, приводит к тому, что работник добивается исполнения своих желаний и теряет стимул к дальнейшей интенсивной деятельности. Циклический человек, имея чётко определённый для него стандарт достижений, привычен работать с максимальным напряжением сил, но только до тех пор, пока желаемое не достигнуто; как только возросшая производительность делает достижение этого стандарта гарантированным при меньшем вложении труда, работник пропорционально снижает свои трудозатраты - ему просто незачем больше стараться.

Этот факт многократно отмечался при сравнении с европейским типом работника “ленивых” аборигенов других стран, которые согласны работать лишь до тех пор, пока не заработают на

дневное пропитание, после чего бросают работу, считая, что заботы о завтрашнем дне вполне можно отложить на завтра. В литературе бытует излагаемый в разных вариантах анекдот, который оценивает эту черту характера как симпатичную, свидетельствующую о большем здравомыслии людей традиционного общества по сравнению с нами, европейцами. В варианте, изложенном Генрихом Бёллем, эта история выглядит так: Приехавший на итальянский курорт богатый немец сидит у моря и любит пейзажем. Рядом с ним устраивается оборванный итальянский рыбак. “Почему ты уже отдыхаешь, ведь ещё рано, и ты мог бы выйти в море и продолжать рыбачить?” - спрашивает у него немец. - Я уже наловил сегодня достаточно рыбы. - Но ты мог бы наловить ещё больше, продать и заработать денег. - А зачем? - Как зачем? Ты накопил бы достаточную сумму, купил бы ещё лодку и нанял рыбаков, чтобы они ловили рыбу для тебя. - А зачем мне это? - Ну, в конечном итоге, ты бы разбогател так, что мог бы совсем не работать, а сидеть спокойно на берегу и отдыхать. Вот так, как я. - А я и так спокойно сижу на берегу, - заканчивает диалог итальянец.

Несовместимость преобладающего циклического типа личности с потребностями развивающегося общества вызвала к жизни более динамичный линейный тип, в самой структуре которого заложена постановка индивидуальных жизненных целей, находящихся за пределами существующего положения индивида, и который, следовательно, нацелен на движение и развитие. В Европе Нового времени (а затем и в Северной Америке) люди линейного типа постепенно заняли ключевые позиции в обществе, образовав привилегированную часть общества, его наиболее динамичный и влиятельный слой, определяющий всю общественную жизнь. Люди линейного типа в численном отношении, вероятно, никогда не преобладали в населении даже наиболее развитых европейских стран (за исключением, может быть, Англии), но образуя наиболее активную и мобильную часть населения, находясь, так сказать, на авансцене общества, они создали представление о “европейском типе” человека вообще.

В то же время циклический тип не исчез в этих странах полностью. Большинство населения (“народные массы”) продолжало жить в рамках традиционных укладов и было не слишком затронуто общим развитием, которое происходило главным образом в других социальных слоях и на других территориях. Однако на протяжении XIX века ситуация, в этом смысле, резко изменилась. Бурное промышленное и социальное развитие требовало теперь, чтобы всё население безотлагательно перешло к новому образу жизни: существование традиционных хозяйственных укладов тормозило развитие общества и, следовательно, они потеряли экономическую основу своего бытия и были обречены на исчезновение. В доступном наблюдению плане это “наступление цивилизации на архаическую традицию” выражалось в проникновении товарно-денежных отношений в традиционную экономику и разложении её изнутри. Влияние демонической разрушающей силы денег на привычный и разумный, естественный в своей привычности жизненный уклад, на человеческие взаимоотношения, на человеческую личность стало доминирующей темой европейской литературы XIX века.

Разумно предположить, что столь быстрая и столь массовая смена типа личности с инертного циклического на противоположный ему линейный тип оказалась невозможной и фактически не состоялась. Тем не менее, развитие европейски ориентированного мира не только не затормозилось, но и пошло в ещё более убыстрённом темпе, следовательно, какое-то решение проблемы было найдено. Я предполагаю, что таким, компромиссным, по существу, решением, удовлетворяющим как требования “прогрессивной” верхушки общества, так и - в какой-то мере - потребности подлежащих изменению традиционных слоёв населения, было массовое возникновение нового квази-линейного типа личности.

Квази-линейный тип является, в определённом смысле, гибридом двух существовавших до него типов личности, и в этом его специфическая сущность и социальная значимость. Как и человек циклического типа, его квази-линейный потомок не способен к самоопределению и самостоятельному выбору жизненной цели, своего будущего образа жизни. Как и у его предка, установка на определённый образ жизни у

такого человека возникает в результате социального “импринтинга”, запечатлевающего образцы поведения и мотивации из своего ближайшего окружения. Но существенное отличие от циклического типа заключается в том, что способность к такому запечатлению не ограничивается годами детства, а растягивается на значительный период, фактически, на всю активную, взрослую, самостоятельную жизнь. В этом отношении квази-линейный человек всю жизнь остаётся “вечным ребёнком”, которого можно постоянно воспитывать и переучивать. Поэтому, если его окружение изменяется, как-то эволюционирует в своём стиле жизни, такой человек способен корректировать свои внутренние установки, приводя их в соответствие с групповыми ценностями, внутренне изменяясь и эволюционируя вместе со своей референтной группой. Таким способом человеку квази-линейного типа удаётся сохранять чувство собственной самоидентичности, не принимая никаких самостоятельных решений о том, каким ему быть, и не оказываясь в непосильной для него ситуации выбора жизненного пути.

Но циклический человек, действительно, неизменяем по своей сути, и попав в новую для него среду, он, конечно, может внешне подстроиться под неё, стараться не входить с ней в прямой конфликт, но внутренне он всё равно будет чувствовать неправильность этой жизни, свой разлад с ней и невозможность быть в ней счастливым. При малейшей - даже призрачной - возможности он будет пытаться воспроизводить тот уклад жизни, который был усвоен им в детстве. А квази-линейный человек только считает себя неизменным, на самом деле, он в высшей степени способен к изменениям любых параметров своей личности. Можно сказать, что он гиперпластичен, поскольку может принять любую форму, которую ему предложит среда. И в этом отношении он имеет явное сходство с линейным типом, почему мы и можем говорить о его “гибридности”. Как и линейный тип, он может перестраивать своё поведение и психологические установки, сталкиваясь с новыми для него жизненными обстоятельствами. Поскольку окружение его развивается, он также нацелен на развитие, на достижение каких-то, вчера ещё недоступных для него рубежей. Оценивая свой жизненный путь, он предполагает, что и дети его будут продолжать двигаться вперёд и вверх, готов вкладывать средства в их более высокое образование и развитие. Поэтому, взятый с внешней стороны, квази-линейный человек малоотличим от собственно линейного типа, его (формально небольшое, но принципиальное по сути) отличие заключается в том, что у линейного человека двигателем его изменчивости служат процессы, происходящие в нём самом (хотя среда и оказывает определённое влияние на направление его изменчивости), а у квази-линейного - причины его изменений расположены вне его личности.

Метафорически выражаясь, циклический человек - это плот, который может плыть только по течению, и единственное, что может делать плотоводитель, это обходить мели и пороги, поскольку конечный пункт и путь к нему определяются рекой, в которой он оказался. Квази-линейный человек - парусник, у которого парус закреплён в одном определённом положении и нет никаких средств управления лодкой, он может плыть в любом направлении и с любой скоростью - это определяется равнодействующей между ветром и течением (если оно есть); конечная цель его путешествия может оказаться любой, но от лодочника она не зависит, он может только принимать все меры, чтобы лодка не затонула (чтобы не было течи, не порвался парус), и

считать, что плывёт в правильном направлении. Тогда линейный человек - это моторная лодка, водитель которой не только может, но и вынужден сам выбирать цель своего плавания; конечно, на него тоже воздействуют течение и ветер, влияющие на выбор им своего пути, он должен учитывать свои ресурсы и запасы горючего, но он сам принимает решение и может, если захочет, двигаться против ветра и течения, неся ответственность за свой выбор.

Способность изменять свои жизненные цели, а это - главное требование, предъявленное Новым временем к своим человеческим ресурсам, делает квази-линейный тип вполне совместимым с условиями жизни в стремительно развивающемся обществе. Более того, с точки зрения правящих элит, для масс населения такой тип даже более предпочтителен по сравнению с классическим линейным типом, поскольку управлять массами квази-линейных личностей проще, они более уступчивы и составляющие их индивиды более однородны по своим реакциям. С точки зрения самого

“переделываемого” населения, замена требуемой линейности на квази-линейность разительно снижает трудность поставленной перед массами задачи: поскольку переход от циклического к квази-линейному типу оставляет без изменений общую конструкцию личности и в этом процессе возможны какие-то переходные этапы, задача становится приемлемой. Следовательно, то, что, на первый взгляд, представлялось компромиссным решением, на самом деле было истинным изобретением, позволившим и волкам оказаться сытыми, и овцам - по большей части - остаться целыми.

Теперь, когда мы разобрались - по крайней мере, гипотетически - в сущности “мещан” как человеческого типа, попробуем вывести из этой сущности некоторые характерные психологические черты мещанства и выяснить, наконец, почему мещанин завистлив.

Для человека циклического типа жизненная цель формулируется как некий перечень конкретных материальных и нематериальных благ, наличие которых в конце жизненного пути данного человека удостоверяет, что он выполнил своё жизненное предназначение и, в большей или меньшей степени, достиг цели жизни. Каждая способная к самовоспроизводству общность, члены которой выделяют себя как некое “Мы” и которая отдифференцирована от других общностей на основании социального положения, места жительства, этнических, религиозных или любых других признаков, значимых для её членов, имеет свой собственный “предметный каталог” благ, обладание которыми составляет цель жизни. Этот перечень известен каждому, родившемуся и выросшему в данной социальной группе, и именно приятие его в качестве цели собственной жизни (как правило, чётко не осознаваемой) определяет человека как фактического члена этого “Мы”.

Такой способ задания жизненной цели, явно, не годится для человека квази-линейного типа. Поскольку его цель должна быть способна к изменениям, она не может быть перечнем конкретных благ, а должна задаваться каким-то абстрактным параметром (желательно одномерным), конкретное наполнение которого будет зависеть от изменяющихся жизненных обстоятельств и среды, в которые попадёт именно этот человек. Такой абстрактной мерой жизненного успеха может быть достижение определённого уровня в строго иерархической структуре, либо достижение определённого уровня благосостояния (владения имуществом), выраженного не в конкретно-вещной, а в абстрактно-денежной форме. Оба этих способа перевода жизненной цели в абстрактную (выразимую одной цифрой) форму были реализованы на практике, и достаточно часто они употребляются совместно при наличии общеизвестного “коэффициента конвертации”, позволяющего пересчитывать “иерархический” успех в “имущественный” и наоборот. В западном мире наибольшее распространение получила имущественно-денежная формула представления цели жизни, как наиболее гибкая, соответствующая капиталистической экономике, простая, понятная и позволяющая осваивать практически любые формы жизни, поскольку почти все жизненные ценности могут быть прямо или косвенно оценены в деньгах.

При так формулируемой жизненной цели юноша, “решающий делать бы жизнь с кого”, в отличие от человека линейного типа, ни в коем случае не может выбрать в качестве образца для подражания товарища Дзержинского, просто потому, что он не “решает”, в полном смысле этого слова, кем ему быть и к чему стремиться. Как и человек циклического типа, он не выбирает свой жизненный путь, а неосознанно воспринимает и запечатлевает в структуре своей личности образец, предлагаемый ему средой, в которой он родился и растёт. Он хочет быть и будет стараться стать таким, как все “мы” (т.е. родители, старшие братья, родственники, друзья, знакомые, уважаемые люди “нашего круга”). Но при этом запечатлевается не конкретный образ жизни и установки, господствующие в данной среде, - не они составляют “нашу” сущность, это лишь преходящие формы, в которых “мы” сегодня выражаем себя, - а тот уровень благосостояния (владения имуществом; но, возможно, и соответствующий ему социальный статус или ранг), который считается достаточным и приличным для достойного представителя “нас”.

Благодаря этому пониманию жизненной цели как “планки”, обозначающей высоту, которую человек должен взять, представитель квази-линейного типа может иметь совершенно другую,

нежели его родители, профессию и род занятий, поменять своё место жительства, переехав даже из одной страны в другую, полностью изменить свои представления и бытовые привычки и т.д., но сохранить при этом свою жизненную цель неизменной, даже не задумываясь, в чём она собственно состоит. Главное, делать денег не меньше, чем те, кого этот человек считает своей референтной группой. Попав в любое место и в любую среду, такой человек выделяет в ней тех, у кого “планка” установлена на том же уровне, что и у него, считает их своей референтной группой, своим “мы”, и перенимает у уважаемых представителей этой группы те конкретные образцы поведения и установки, которые характерны для “нас” в данном месте и в данное время. Кроме того - и это было одним из главных моментов, обусловивших приемлемость квази-линейного типа для развивающегося общества - он способен перемещать свою “планку” в соответствии с ростом общего уровня благосостояния; если все “мы” стали жить более богато, то каждый член этого “мы” вводит в свои расчёты поправочный коэффициент и соотносит свои личные достижения с новым уровнем расположения “планки”. Следовательно, несмотря на то, что он давно уже перешагнул тот уровень благосостояния, который он когда-то считал вполне достаточным, он будет продолжать трудиться как проклятый, чтобы идти в ногу с прогрессом.

Из такого понимания сущности квази-линейного типа следует, что:

1. Круг его интересов сконцентрирован на имущественно-денежной стороне жизни и резко ограничен в тех сферах, предметы которых плохо поддаются денежной оценке. Как всякий живой человек, он, конечно, имеет какие-то свои личные склонности, привязанности и пристрастия, он может любить котят или как дилетант играть на скрипке, но это лишь его индивидуальные особенности, обусловленные его темпераментом или воспоминаниями детства. Даже им самим они рассматриваются на уровне каприза или причуды и не могут серьёзно влиять на самооценку. Отсюда же стремление квази-линейных мещан переводить все события и вещи в меркантильно-денежный план. Образование, профессия, приобретение каких-то специальных познаний, посещение выставок и концертов, знакомства, путешествия рассматриваются либо как средства получения доходов, либо как свидетельства высоких доходов, только в этом смысле они могут стать значимым элементом образа жизни.

2. Абстрактная формулировка жизненной цели делает квази-линейный тип предрасположенным к товарному фетишизму, то есть восприятию всех предметов, явлений, процессов в стоимостной форме. Если циклический и линейный типы в оценке вещей и явлений пользуются своими представлениями о том, какими должны быть конкретные вещи, и у них есть собственные предпочтения, свой вкус, позволяющий оценивать вещь как “хорошую” или “плохую” в зависимости от её вещных характеристик, то квази-линейный человек лишён такой возможности. У него нет определённого личного вкуса, его вкусы и предпочтения определяются средой и постоянно находятся как бы в процессе становления. “Хорошая” вещь для такого человека - это “модная”, “престижная”, в конечном итоге, “дорогая” вещь. Квази-линейный человек, если его спросить об этом, будет пытаться объяснить свои предпочтения тем, что вещи, которые ему нравятся и за которые он готов дорого платить, в каком-то отношении лучше других (мощнее, надёжнее, приятнее на вкус и т.п.), но очень часто это только самообман. На самом деле главной потребительской характеристикой любой вещи для него является стоимость. И поэтому же вещи для него взаимозаменяемы. Если классического, хрестоматийного крестьянина поселить в современной квартире, то, как бы она ни была хороша и удобна,

крестьянин всю жизнь будет мучиться из-за того, что в ней нет погреба, хотя ему фактически нечего хранить в этом погребе, и функционально его вполне заменяет холодильник. Эта иррациональная реакция объяснима тем, что в жизненной цели крестьянина есть “клеточка”, “отдельная строка в перечне благ”, которую занимает погреб (“в хорошем хозяйстве должен быть хороший погреб”), и эта клеточка остаётся незаполненной, следовательно, жизненная цель выполнена не до конца, не на все сто процентов, и это мучит крестьянина. У квази-линейного типа нет конкретного перечня и нет отдельных “клеточек”, огрубляя, можно сказать, что его жизненная цель выражается некоторой суммой, цифрой с несколькими нулями. Для него ценность

вещи определяется не вещь как таковой, а тем, насколько обладание ею приближает к достижению заветной цифры. Такое отношение к миру ведёт, в своём крайнем выражении, к тому, что человек общается не с предметами, распознаваемыми и оцениваемыми с помощью собственных чувств и разума, а с “этикетками”, “ценниками”, наклеенными на предметы, и теряется, если не обнаруживает на предметах цены.

3. Квази-линейный тип зависим в своих оценках от окружения и поэтому он жаждет похвал, суетливо добивается признания собственных заслуг, чванится по пустякам, грешит снобизмом, к месту и ни к месту приводит себя в качестве положительного примера, любит внешние знаки почёта и уважения, титулы, звания, регалии, значки, удостоверяющие принадлежность к элитарным сообществам, заседания в почётных президиумах и упоминания в колонках светской хроники, короче говоря, он вполне заслуживает репутацию мелко тщеславного типа. Но всё это вызвано его неуверенностью в себе и желанием опереться на чужое мнение.

4. Квази-линейный человек, несомненно, завистлив. Неудачи ближних, не принося ему никакой личной выгоды, тем не менее радуют его, а успехи других людей, никак ему не мешающие, его огорчают. Но, повторяю, то, что для людей другого типа является пороком, нельзя считать пороком для квази-линейного типа. Это станет ясным, если понять, чему он, собственно, радуется или огорчается в подобных случаях. Предположим, что некий хороший знакомый нашего гипотетического “мещанина” очень удачно купил акции какой-то компании, которые неожиданно пошли в гору; знакомый в одночасье разбогател, купил себе шикарный автомобиль, сменил квартиру и вообще процветает. Казалось бы, его приятель “мещанин” должен бы радоваться такому случаю, однако радости почему-то нет, настроение, скорее, портится при воспоминании об этом и в голову лезут мысли о том, что “везёт в этой жизни только дуракам и прохвостам”. Приятель это чувствует, и отношения между ними становятся натянутыми. Но потом компания, покупка акций которой так вознесла знакомого, кончает крахом, весь этот бурный рост оказывается обыкновенной спекуляцией и мошенничеством, стоимость купленных знакомым акций падает до нуля, купленный в рассрочку автомобиль приходится продать с убытком и т.д. И вот тут настроение “мещанина” поднимается, он уже склонен пожалеть беднягу, и опять комфортно чувствует себя в его обществе.

Налицо все симптомы зависти. Сам “мещанин” будет, по-видимому, это отрицать и приводить другие причины для объяснения смены своих настроений, но в глубине души, возможно, даже не сознавая самому себе, он знает про себя, что он завистник.

И всё же это - его собственное - мнение о себе несправедливо. Будучи квази-линейным типом, он постоянно должен знать, где расположена “планка”, обозначающая его жизненную цель, на каком уровне она расположена сегодня. Знание этого необходимо ему для того, чтобы он мог соотнести свои собственные наличные достижения с требуемым уровнем, который постоянно изменяется. Но такое знание не существует в явном виде, никто не может сказать “мещанину”, где в данный момент находится его “планка”. Чтобы каким-то образом оценить искомый уровень, квази-линейный человек постоянно оценивает

прямые и косвенные показатели благосостояния людей, которые доступны ему для наблюдения и которые входят в его “мы”, и вычисляет некий средний уровень, который и служит ему приблизительной оценкой положения “планки” (поэтому такие люди очень хорошо осведомлены о положении своих знакомых, интересуются всякими их приобретениями, с любопытством слушают разговоры и сплетни на эту тему; для них это жизненно важный показатель). Поскольку круг оцениваемых довольно узок, резкое увеличение (или уменьшение) благосостояния даже одного из них существенно отражается на величине средней. Поэтому обогащение кого-либо из знакомых и возникающий из этого перерасчёт приводят “мещанина” к выводу о том, что его “планка” находится, оказывается, на более высоком уровне, чем он предполагал ранее, а следовательно,

что его личные достижения не так весомы, как он думал. Естественно, это вызывает ухудшение настроения, внешней причиной которого является наблюдаемый успех знакомого. И наоборот, крах, наблюдаемый среди знакомых, свидетельствует о фактически более низком расположении “планки” и о большей значимости собственных достижений, что приводит к приятному расположению духа.

Таким образом, я считаю доказанным, что зависть не является личным недостатком (пороком) людей квази-линейного типа, а играет у них функциональную роль и просто неизбежна при их структуре личности.